

Я. Н. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Среди писем «пражской коллекции», адресованных Герцену, находятся три неоконченных письма без подписи. Автор писем — революционно настроенный молодой человек, горячий почитатель Герцена, воспитанник Московского университета, недавно приехавший в Гейдельберг. Содержание одного из трех сохранившихся писем дает возможность установить имя его автора. В письме от 31 октября 1861 г. из Гейдельберга неизвестный корреспондент сообщил Герцену о своих переговорах с Людвигом Фейербахом по поводу перевода сочинений философа на русский язык и издания их в типографии Трюбнера. Среди писем Фейербаха есть письмо к Трюбнеру, от 31 октября 1861 г., в котором он предлагает Трюбнеру взять на себя издание его сочинений на русском языке, в переводе Якова Ханыкова, живущего в Гейдельберге и незадолго до того посетившего Фейербаха («Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner Philosophischen Charakterentwicklung dargestellt von Karl Grün». Zweiter Band. Leipzig—Heidelberg, 1874, S. 144—145).

Из сопоставления двух этих фактов с несомненностью следует, что автором публикуемых писем был Яков Ханыков. Лемке в примечаниях к одиннадцатому тому собрания сочинений Герцена (стр. 20) ошибочно принял этого Якова Ханыкова за другого Якова Ханыкова — известного деятеля Русского географического общества и оренбургского губернатора. Однако биография последнего совершенно не совпадает с фактами, сообщенными о себе автором публикуемых писем*.

Яков Николаевич Ханыков родился 23 февраля 1837 г. в Москве. Отец его был помещиком в Калужской губернии. Воспитание Ханыков получил в Первой московской гимназии, которую окончил в 1854 г. В том же году он поступил на юридический факультет Московского университета и окончил его в 1858 г. со званием первого кандидата юридического факультета. Этим исчерпываются основные сведения о Ханыкове, имеющиеся в университетском архиве (МОА, ф. 418, оп. 23, ед. хр. 112). В мае 1861 г. Ханыков покинул Россию и поселился вместе с женой в Гейдельберге.

Письма Ханыкова характеризуют его как деятельного участника общественно-политической жизни московского студенчества на рубеже пятидесятых — начала шестидесятых годов. Несмотря на то, что почти три года отделяли отъезд Ханыкова за границу от окончания университета, самыми близкими для него людьми продолжали оставаться товарищи-студенты. Так, свидетелями его венчания были четыре «студента-печатальщика» статей Герцена, как их называет Ханыков. В публикуемом письме от 31 октября 1861 г. Ханыков ссылается на свое знакомство, «еще по университету», с П. Н. Рыбниковым, в ту пору студентом, впоследствии — известным этнографом и собирателем былин. Это обстоятельство указывает на круг знакомств Ханыкова в университетские годы. Вокруг Рыбникова группировался, в 1855—1858 гг., кружок так наз. «вертепников». Члены кружка, разночинцы по происхождению, изучали материалистическую философию и утопический социализм, были увлеченными читателями Герцена. Есть основание думать, что Ханыков был связан, уже по окончании университета, и с другим революционным студенческим кружком, возглавлявшимся Заичневским и Аргиропуло. Возникновение этого кружка относится

* Как нам удалось установить по материалам Московского областного архива, Яков Владимирович Ханыков (1818—1862), на которого ссылается Лемке, был двоюродным братом автора публикуемых писем. В 1861 г. Я. В. Ханыков проживал в Уфе, где находилась тогда резиденция оренбургского губернатора.

к 1859 г. В этом году в Московском университете возникла тайная студенческая организация «Библиотека казанских студентов», в которую входили первоначально студенты — уроженцы Казани; позднее эта организация приобрела более широкий характер. В литературе нет сведений о деятельности этого кружка, известно только, что его участники организовали библиотеку из заграничных книг, и в целом их деятельность отличалась большой конспиративностью. Заичневский и Аргиропуло, вследствие разногласий по программным вопросам, вышли из кружка в начале 1861 г. и организовали свой кружок, в который, возможно, вошли и некоторые из бывших участников «Библиотеки казанских студентов». Одним из видов деятельности нового кружка было издание и распространение запрещенной литературы. Не имея вначале печатного станка, кружок Заичневского и Аргиропуло литографическим способом издавал сочинения Герцена и Огарева, а также переводы отдельных сочинений европейских философов-материалистов. Кружку принадлежит, в частности, первое издание в России произведений Л. Фейербаха. В 1861 г. кружок литографировал перевод «Лекций о сущности религии» и несколько позднее — «Сущность христианства».

Дружеские связи Ханыкова со «студентами-печатальщиками» статей Герцена, инициатива и энергия, проявленные им сразу же по приезде за границу в организации перевода и издания сочинений Фейербаха, приводят к выводу о близости Ханыкова к кружку Заичневского—Аргиропуло и делают возможным предположение об участии Ханыкова в первом русском переводе и издании «Лекций о сущности религии» Фейербаха. Не только эти внешние факты, но и весь характер деятельности Ханыкова за границей, как он намечал ее себе в публикуемых письмах к Герцену, свидетельствует о его тесной идейной связи с кружком Заичневского — Аргиропуло. Основным своим занятием за границей Ханыков намечал литературно-переводческую работу. Выбор авторов и произведений для переводов на русский язык он подчинял задаче организации политической пропаганды в России. В этом отношении он брал себе в пример литературную деятельность Чернышевского и, в частности, такую его работу, как «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Задаче пропаганды в России материалистической философии было подчинено и намерение Ханыкова осуществить в издании Трюбнера русский перевод собрания сочинений Л. Фейербаха. Глубоко идейные мотивы литературно-переводческой деятельности Ханыкова за границей иллюстрируются следующим красноречивым фактом. Несмотря на то, что он сам был в трудном материальном положении и литературный заработок, как можно судить по письмам, был для него основным источником существования, Ханыков, начиная с Герценом переговоры об издании сочинений Фейербаха, сразу же отказался от части литературного гонорара за перевод — в пользу Фейербаха, находившегося в глубокой нужде. Ханыков приступал к переводу, по его словам, «сop amore»*.

Выходивший в это время в типографии Трюбнера русский перевод «Сущности христианства» (как видно из публикуемого письма от 31 октября 1861 г., он был выполнен П. Н. Рыбниковым, скрывшимся под псевдонимом «Филадельф Феомахов») должен был составить, по мысли Ханыкова, первый том задуманного им собрания сочинений Фейербаха. Однако замысел этого издания осуществлен не был. В ответ на предложение Фейербаха издать остальные его сочинения в переводе Якова Ханыкова Трюбнер писал, что этого вопроса он не решит до тех пор, пока не убедится в том, что русская публика так же горячо стремится читать Фейербаха, как сочинения Герцена («Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass...», цит. изд., стр. 145).

Таким образом, литературно-переводческая деятельность Ханыкова за границей продолжала одну из линий деятельности кружка Заичневского — Аргиропуло в России. Ханыкову не было чуждо и второе практическое направление деятельности кружка Заичневского — Аргиропуло, а именно — использование педагогической работы как средства революционной пропаганды. Известно, что кружок Заичневского — Аргиропуло принял самое деятельное участие в организации и работе воскресных школ, возникших в Москве в середине 1860 г. Только фактический разгром воскресных

* «с любовью» (итал.).

школ для народа в конце 1860 г. заставил членов кружка уйти из них. Их мечтой была организация широкого общества для распространения знаний в народе при помощи системы школ, совершенно независимой от правительства. Как видно из писем, педагогическая практика уже занимала какое-то место в жизни Ханыкова до его отъезда за границу. Служение делу свободы России он связывал с вопросом воспитания и образования народа. Этими двумя неразрывно связанными задачами обуславливается его намерение заняться переводами или же составлением исторических статей для русской печати. Перед нами ясно выраженная программа революционного просветительства. Что это просветительство было именно революционным, совершенно очевидно из политических взглядов автора, которые обнаруживаются по его отдельным замечаниям, разбросанным в письмах. Начало своего идейного развития, совпавшего по времени с общественным оживлением второй половины пятидесятых годов, Ханыков полностью связывает с именами Белинского и Герцена, а влиянием их произведений. Обобщая собственный опыт, Ханыков пишет Герцену: «Белинский нравственно воспитывает человека. За Белинским ваши статьи довершают развитие: человек становится на ноги, оглядывается, ему легко, и он идет бодро вперед». В Герцене он видит совесть молодого поколения, он для него высший нравственный авторитет. В то же время он учится у Чернышевского искусству революционной пропаганды в условиях царской цензуры. Расправа Александра II со студенческим движением 1861 г., прикрываемая ханжескими фразами, вызывает у Ханыкова гневное замечание о поучительном примере взятия народом Бастилии.

За границей Ханыков оказался сразу в кругу дел и тем, занимавших революционную эмиграцию. У него Герцен просил характеристику Ковалевского, незадолго до того приехавшего из России, где он был связан с революционными кругами. От имени какой-то группы — вероятно, революционно настроенного крыла русских студентов в Гейдельберге — Ханыков в публикуемом письме к Герцену просит поблагодарить Огарева — «нашего любимого поэта—вашего друга за его общение с нами» и сообщает о нетерпеливом ожидании выхода в свет прокламации Огарева «Что надо делать войску?». Вопрос об участии войска в предстоящей русской революции, повидимому, обсуждался в кружке, от имени которого пишет Ханыков, и решался, насколько об этом можно судить из отрывка, в том же духе, что и в прокламации Огарева. Ханыков и его друзья видели в войске «такую силу, которая может упрочить дело свободы».

Публикуемые письма знакомят нас с новым интересным представителем революционно-демократической молодежи шестидесятых годов. Мы не располагаем почти никакими сведениями о дальнейшей судьбе Ханыкова и эволюции его социально-политических взглядов. Известно лишь его позднейшее письмо к Н. А. Некрасову из Флоренции от 17 января 1874 г., в котором он предлагал свои критико-философские статьи для опубликования в «Отечественных записках» («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 544). Кроме того, опубликованные пять писем И. С. Тургенева к Я. Н. Ханыкову позволяют установить, что в 1878—79 гг. он находился в Париже. В письмах этих идет речь об установлении памятника на могиле Н. В. Ханыкова, двоюродным братом которого был адресат («Ежемесячные сочинения», 1901 г., № 12, стр. 320—323). О Н. В. Ханыкове см. в предыдущей публикации.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 118).

1

(Гейдельберг. Май — октябрь 1861 г.)¹

Александр Иванович!

То, что я теперь делаю, взяв перо, чтобы писать вам, — исполнение моего давнего желания. Я все медлил, выжидал случая, который бы оправдал мой поступок. На начало знакомства с вами, личное или чрез переписку, я всегда смотрел, как на великое дело: это должно быть моим рукоположением. От вас, только от вас, я хочу принять его, чтобы с ним начать жизнь.

Я слишком живо сознаю эту потребность связи прошедшего с настоящим и настоящего с будущим, чтобы не ценить такого общения с людьми, имеющими мировое значение. Говорить вам то, что у меня теперь на языке, значило бы повторять, что вам тысячу раз было говорено другими и, может быть, даже лучше, чем я в состоянии это сделать, — скажу только, что мне вы сделали личное благодеяние, которого я никогда не забуду. «Полярная звезда» (именно 3-я и 4-я) попала мне в руки в критическую эпоху моей жизни. Я никогда не верил авторитетам, с детства мучили меня вопросы, и ничто меня не удовлетворяло. До университетской аудитории! я был

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Фотография из альбома «Heidelberg und seine Umgebung», 1880-е гг.

лишен всякого почти пособия для развития. Я должен был заключиться в себе; смелость отрицания приводила меня до результатов, которые меня пугали... В университете я был в то время, когда похороны Кудрявцева² напомнили незаменимую потерю Грановского... Было пусто, дико — а кругом все начало пробуждаться.

Не стану рассказывать вам длинную повесть моей внутренней жизни, борьбы с семейными предрассудками, — я был в напряженном состоянии в то время, когда я после многих усилий достал «Полярную звезду» и «С того берега». Я был так счастлив, такое чистое наслаждение давала мне ваша мысль, которая так глубоко проникала в мое сознание! Я чувствовал, что понимаю вас так, как бы это вы сами желали, так, как надо вас понимать. Я со страстью бросился на все, что было написано вами. Благодаря полиции мне стоило долгих трудов отыскать в старых «Отечественных записках» ваши статьи — везде почти они были вырваны. Я их достал у мелких букинистов Москвы. Найти в вас такое ясное подтверждение *

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

¹ Судя по содержанию, это письмо написано ранее двух последующих — вероятно, вскоре после приезда Ханькова в Гейдельберг, т. е. между маем и октябрём 1861 г.

² Петр Николаевич *Кудряцев* (1816—1858) — профессор Московского университета, любимый ученик Грановского.

2

31 октября (1861 г.) Гейдельберг ¹

Несколько дней тому назад я писал вам, Александр Иванович, о моем намерении посетить Фейербаха ². Сегодня вернулся я от него, очарованный его ласковым приемом, его человечностью, которая проявляется в нем каждым словом, каждым приемом. Вас он знает; ему знакомы все почти ваши сочинения по немецким и французским переводам ³. Он просил меня при случае заявить вам его глубокое уважение. Я ему подарил ваш портрет, чем он очень обрадован.

Я взялся за перевод его творений не с целью спекуляции. Я хотел только, чтобы гонорар переводчика сделался бы собственностью автора. Фейербаху более чем кому-либо нужна гарантия этих прав — это его кусок хлеба. Ему теперь надо еще иметь теплый угол для занятий. Состояние его расстроено. Преследования со стороны правительства, литературных врагов, педантов-профессоров, не дающих ему хода, — все это сильно потрясло, подломило, но не сломило его. Он борется с нуждой ⁴. При самой безотрадной, неудобной обстановке он работает, и вскоре он будет печатать новые исследования по важным вопросам нравственной философии. Он стоит на настоящей точке зрения на природу. Он следит за всем, что есть нового в науке и литературе. Он обещал мне, в знак особенного сочувствия русскому движению, дать мне для перевода свою рукопись, прежде чем она (будет) напечатана, так что на русском языке трактат Фейербаха о «Свободе воли и материализме» будет читаться прежде, чем на немецком ⁵. Вообще Фейербах зол на немцев, с которыми он ничего не имеет общего, кроме происхождения и пристрастия к пиву, что, однако, не делает его филистером. Он человек в высшей степени симпатичный.

Я ему указал на Трюбнера с тою целью, чтобы скорее и при соблюдении выгод обеих сторон можно было привести дело к концу. Фейербах предлагает Трюбнеру продолжать издание его сочинений в русском переводе, что будет, я думаю, приятно г. Трюбнеру. Он может и первый том издать под общим заглавием «Сочинений Фейербаха». Перевод «Сущности христианства», как я слышал, сделан Рыбниковым. Его имя ручается за достоинство перевода. Я лично знаю Рыбникова еще по университету ⁶.

Таким образом мне хотелось бы устроить, чтобы Фейербах получил бы долю выгоды из предполагаемого перевода. Что касается до меня, я приступаю к этому делу *con amore* *.

Что теперь делается в России? Вопрос этот так часто приходит мне в голову, и досада берет меня, когда я себе представляю, как нагло Александр Николаевич ⁷ будет после своего возвращения в столицу внушать студентам чувство законности, как высоко он будет ценить свою милость, что простит «виновных» после месячного морения голодом; да когда же кончится эта комедия? Не разрушить ли самый театр таких представлений? — взятием Бастилии народ показал свою **

¹ Год определяется по упоминающимся в конце письма событиям, связанным со студенческими волнениями в Петербургском и Московском университетах осенью 1861 г.

* с любовью (итал.),

** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

«СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА»
Л. ФЕЙЕРБАХА. РУССКИЙ ПЕРЕВОД
ФИЛАДЕЛЬФА ФЕОМАХОВА (П. Н. РЫБНИКОВА)

Издание Трюбнера, Лондон, 1861 г.

Титульный лист

СУЩНОСТЬ
ХРИСТИАНСТВА.

СОЧИНЕНИЕ

ЛЮД. ФЕЙЕРБАХА.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАННЫЙ со второго исправленнаго
ИЗДАНИЯ

ФИЛАДЕЛЬФОМЪ ФЕОМАХОВЫМЪ.

LONDON:

TRÜBNER & CO. 60, PATERNOSTER ROW

1861.

² Это письмо Ханыкова неизвестно. Возможно, впрочем, что о своем намерении посетить Фейербаха Ханыков сообщил Герцену в несохранившейся части предыдущего письма.

³ К этому времени в немецких и французских переводах вышло много работ Герцена, в том числе «С того берега» (Гамбург, 1850), «Письма из Франции и Италии» (Гамбург, 1850), «О развитии революционных идей в России» (Париж, 1851), «Прерванные рассказы» (Гамбург, 1858), начало «Былого и дум» (Гамбург, 1855; Париж, 1860).

⁴ Имя Фейербаха стало ненавистно немецкой буржуазии сразу же по выходе в свет его первого крупного произведения «Мысли о смерти и бессмертии...» (1830). Все попытки Фейербаха получить профессорскую кафедру были безуспешны. Во время посещения его Ханыковым Фейербах переживал особенно острые материальные затруднения.

⁵ Речь идет о сочинении Л. Фейербаха «Ueber Spiritualismus und Materialismus, besonders in Beziehung auf die Willensfreiheit»; на русский язык переведено не было.

⁶ См. об этом в предисловии к настоящей публикации.

⁷ Александр II.

3

1 ноября (1861 г.) Гейдельберг

Благодарить вас, Александр Иванович, я не могу. Все, что испытывает человек, имеющий живое, не разбитое еще сердце, когда получает знак сочувствия от дорогого, близкого, все наслаждение, которое дает удовлетворенное чувство, — все эти святые чувства пробудило во мне письмо ваше. Теперь я ваш, ваш навсегда! Вы поймете меня, если верите в мою искренность.

Не делайте мне ни явного, ни тайного упрека в том, что я так часто отвлекаю вас от дела своими письмами. Вы — *наша совесть*, перед таким судьей хочется нам, неопытным бойцам, высказать все, что у нас есть на сердце, робкие мечты, начинающие слагаться убеждения; вы нам указываете тот путь, по которому нам именно хочется идти, и если мы сворачиваем, не замечая этого, вы должны нас остановить. Ваш авторитет не может убить самостоятельности развития, потому что он держит знамя самостоятельности мысли. Потому заранее прошу вас позволить мне всегда, когда буду чувствовать сильное желание высказаться вам, не насиловать своего желания, но дать полную волю.

На этот раз необходимо сказать вам еще два-три слова о себе.

Я не досказал вам одного факта моей жизни, который превратил борьбу с семейными предрассудками в борьбу на жизнь и смерть, потому что здесь замешалось чувство первой (и, я уверен, последней) любви. Светлое существо, с редким развитием, с свободным сердцем, дерзкою мыслью стало для меня живым действительным олицетворением моих стремлений. Религия мысли — свобода — слилась с религией чувства — любовью. Понятно, что еще больше ожесточилось всё против нас. С обеих сторон была страшная обстановка; борьба с бессмысленными условиями была тяжела, зато сладка победа: 5 мая нынешнего года, при четырех свидетелях (студенты — печатальщики ваших статей), без тягостного присутствия людей, которые не понимают ничего человеческого, а только одно официальное, внешнее, формальное, — 5 мая мы были обвенчаны и чрез два дня уже в дороге за границу. С скудными средствами, без материальной поддержки так называемых родных, да зато с богатыми надеждами на свои молодые силы, с сладким сознанием независимости и самостоятельности начали мы свою жизнь. Успокоенный теперь, я могу быть на что-нибудь годным. Силы мои не потрачены на примирение самой страшной разладицы, какая только может измучить человека — борьбою мысли с чувством. Я нахожу счастье в том, что удовлетворяет моему нравственному чувству и вместе потребностям ума.

Теперь отвечу вам на ваше письмо. *Ковалевского* я не знаю лично, а Бакст¹ и другие, его знающие, отзываются о нем, как о благородном и хорошем человеке.

Что касается переводов, то, кроме Фейербаха, я непременно возьму на себя, по вашему совету, переводы по истории английской и французской революции². Но скажите решительно: не лучше ли поработать над составлением эскизов да таких, которые могли бы быть пропущены цензурой? Чернышевский мастер в подобном деле. Его статья «Борьба партий во Франции» составлена была по Луи Блану и читалась с большим удовольствием лицами разного покроя. Воспитание — великий вопрос для нашей родины. *Как* воспитается поколение будущее, от этого зависит очень многое. Люди, которые себя посвящают на дело свободы России, должны преследовать эти две цели: воспитание с детского возраста на началах человечности и образование народа. Насчет первого я попытал мои силы, и я могу радоваться успеху: несколько молодых девиц и два мальчика проснулись и пошли работать дальше и идут к верной цели. Когда я встречаюсь с существом еще молодым, в переходную эпоху из детского возраста в юношеский, я стараюсь, прежде всего, будить в нем самосознание и толкаю его на определение себя относительно всего окружающего. Затем я с большими успехами давал всего Белинского. Его теплая душа так симпатично действует на молодое сердце. Он нравственно воспитывает человека. За Белинским ваши статьи довершают развитие: человек становится на ноги, оглядывается, ему легко, и он идет бодро вперед.

С таким умственно-нравственным развитием должно, конечно, идти и фактическое знакомство с природой и историей. Вот почему я почту

святым долгом последовать вашему совету: переводить или составлять популярные исторические статьи. В них у нас недостаток.

Вот и началась моя жизнь, и я буду жить только этими интересами, — другие для меня без смысла и значения. Я не понимаю, как можно достичь какого-нибудь успеха, если подчиняться разным влияниям. Я аскет для всего, что вне круга моих убеждений и чувств. Я не умер для жизни, нет, из нее хочу я черпать уроки, но я остаюсь равнодушен к будничным развлечениям, к тем явлениям, которые отнимают время, нарушают покой, — а он мне дорог, как условие ясного понимания и успешного труда.

Поблагодарите от лица всех нас нашего любимого поэта—вашего друга за его общение с нами. С нетерпением ждем его статьи³. В войске такая сила, которая может упрочить дело свободы. Надо только развить в нем не кровавые, а социальные инстинкты. Его *

¹ О В. О. Ковалевском и В. И. Баксте см. на стр. 259—272 настоящего тома.

² Были ли осуществлены Я. Н. Ханьковым эти переводы — установить не удалось.

³ Речь идет о статье Огарева «Что надо делать войску?». Статья появилась в л. 111 «Колокола» от 8 ноября 1861 г. и затем была издана в виде листовки-прокламации.